

Автор сердечно благодарит
Ольгу Миклухо-Маклай
и Александра Мазина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Узник лежал на кровати, отвернувшись к стене, натянув одеяло на голову. Поза его была столь необычна, что тюремщик забеспокоился.

— Дон Хуан! — окликнул он подопечного. — Я принес вам обед!

Тот никак не показал, что слышит, хотя хриплый голос надзирателя, отражаясь от низкого кирпичного свода, должен был камнем рухнуть на него сверху.

Тюремщик Себастьян Конпос был не злым человеком и не причинял арестантам неприятностей больше необходимого. А кое-кто мог всегда рассчитывать на поблажку. Например, дон Хуан — человек безусловно благородный и относительно состоятельный. Сегодня он арестант, а завтра опять будет скакать по Мадриду на дорогом жеребце, и Его Величество вернет свое доверие храброму офицеру из хорошей семьи. Так что ему, Себастьяну, лучше явить себя снисходительным сегодня, чтобы не сокрушаться над своей глупостью завтра.

Надзиратель оставил миску и кружку в открытом проеме «кормушки», снял с пояса тяжелую связку

ключей, отыскал нужный и открыл дверь. Но даже звук открывающегося запора не понудил узника пошевелиться. «В самом деле,— встревожился Себастьян,— не заболел ли дон Хуан? Или, упаси нас святая Мария — не умчалась ли в небеса его мятежная и не знающая покоя душа?» Все четырнадцать месяцев заточения, пока дон Хуан был под его наблюдением, Себастьян поражался энергии, которой было переполнено это небольшое, худощавое тело. Даже ночью, проходя по коридору, надзиратель слышал, как мечется по камере подполковник Ван-Гален. Шесть шагов от двери к окну, шесть шагов от окна к двери, словно волк, попавший за решетку зверинца.

Внутри камеры воздух был еще хуже, чем в коридоре. Густой и набитый испарениями сырого камня, отхожего ведра, немывтого тела, отвратительный даже на ощупь, словно волосяной матрас, на котором скорчился дон Хуан. Неизвестно почему Себастьяну привиделось, что он поменялся местами с узником, и он передернул плечами, подумав, что сам заболел бы здесь куда быстрее своего подопечного, если бы не окочурился уже вовсе.

Он махнул кольцом, ключи громко состукунулись, но и звяканье металла не потревожило лежащего арестанта. Тюремщик шагнул к постели, положил руку туда, где, ему казалось, должно находиться плечо. Но в ту же секунду, как Себастьян осознал, что его провели, словно новобранца в казарме, мир вздрогнул и покачнулся, заплясал сотнями искр, и Конпос полетел головой вперед в крутящуюся черноту.

Дон Хуан подхватил надзирателя, не дав ему рухнуть на пол, и аккуратно уложил на постель. Вынул из

безвольно разжавшегося кулака кольцо с ключами и прислушался. В коридоре ничего не было слышно. Он наскоро стянул руки и ноги тюремщика кусками разорванной накануне рубашки, такой же тряпкой замотал рот, выскользнул за дверь и прихлопнул за собой тяжелую створку. Ударил громко, не стесняясь, да еще нарочито шумно задвинул тяжелый запор, словно бы сам Конпос закончил проверку камеры. Все существо его кричало: «Беги!» — но он сдерживался изо всех сил, стараясь подражать неспешной тяжелой походке тюремщика, хотя его невысокая, гибкая фигура никак не могла сравниться с осанистым туловищем надзирателя.

Отсчитал четвертый поворот, нырнул налево, втягивая голову в плечи, и уже ускорил шаги. Огромная крыса метнулась к стене, недовольно пискнув. Дон Хуан пробежал еще два-три десятка шагов и остановился в крошечной тьме. Тихий голос зашелестел сбоку и чуточку сверху:

— Дон Хуан! Дон Хуан!

Он споткнулся о первую ступеньку, ушибив большой палец, но в два прыжка поднялся наверх. Анна стояла у чуть приоткрытой дверцы.

— Все хорошо? — шепнула она. — Как отец?

— Не беспокойся. Голова поболит дня два, да и только.

— Ключи...

Она взяла у него связку, перебрала и вставила нужный в скважину замка.

— Должны думать, что вы нашли его сами.

— Часовой во дворе?

— Досчитайте до двухсот, дон Хуан, и он уже ничего не увидит в этом прекрасном мире.

— Кроме тебя?

— Кроме меня,— она тихонько засмеялась.— Прощайте, дон Хуан, и да хранит вас Господь!

Он обнял ее за плечи, и близость горячего женского тела вдруг раздула огонь, о котором он уже забыл в духоте и сырости камеры. Анна сама прильнула к нему, ответила на поцелуй, но тут же отстранилась рывком.

— Надо спешить. Я иду. Вы считайте.

Она толкнула дверь и скользнула наружу. Дон Хуан машинально кивал, отсчитывая секунды: тридцать два, тридцать три, и в то же время прислушивался, стремясь угадать, когда же очнется Себастьян Конпос, когда он сумеет освободиться и загрохочет табуретом в обитую железом дверь каземата. Впереди он видел обожженную солнцем стену и раскаленный желтый песок. Позади оставались тьма и неволя. Впереди его ждали свобода, свет и весь мир, наслаждавшийся спокойствием в год 1818 от Рождества Христова...

II

Четыре года спустя усталый всадник в горском костюме ехал верхом по русскому лагерю в предгорьях Кавказа. У палатки Ермолова Новицкий спешил и повел рыжего мерина к коновязи. Дежурившие солдаты не торопились принимать поводья у штатского, напротив, оглядывали его неприязненно. Сергей сам привязал лошадь и направился ко входу. Адъютант

командующего, граф Николай Самойлов, высокий, крепко сложенный капитан, стоял у полуоткрытого полога, беседуя с пехотным офицером, очевидно начальником караула. Увидев Новицкого, он тут же на полуслове оборвал разговор и повернулся к удивленному собеседнику тылом.

— Пойдемте, командующий уже справлялся о вас.

Ермолов сидел за походным столом и пил чай из раскрашенной глиняной кружки.

— Присаживайся, гусар. Чаю хочешь? Водка, извини, только к обеду. С апреля перешел на бивачное положение, и расчет веду до последней крупинки. Рождественский бал надо давать в Тифлисе, так и придется полгода в лагерях болтаться, экономить, заодно и делами заняться.

Сергей поблагодарил и опустил на подставленный денщиком табурет. Пару раз глотнул горячий, сладкий напиток и поставил кружку, ожидая вопросов командующего.

— Ты пей, гусар, отдыхай. Дорога из Андреевского¹ не короткая, знаю. Чем же меня порадуешь?

— К сожалению, ваше превос...

Ермолов недовольно дернулся, и Новицкий поправился тут же:

— Алексей Петрович, радостных новостей нет. Пока подтверждаются самые худшие предположения:

¹ *Андреевский, Андреево* — так русские называли селение Эндери на севере Дагестана. С давних времен Эндери был центром торговли жителей равнины с горами. Здесь же находился и огромный невольничий рынок, откуда рабов увозили не только в окрестные селения, но даже в Персию и Турцию.

Сурхай-хан¹ поднял свои войска и собирает людей по всем Дагестану. Сведения верные,— предупредил он вопрос командующего,— проверенные и перепроверенные. Три моих агента — люди, друг от друга независимые — свидетельствуют одно и то же. Отклонения в деталях малосущественных.

Ермолов молча, не торопясь, допил чай и отодвинул кружку на край стола. То же незамедлительно сделал Новицкий. Едва денщик успел убрать посуду, Самойлов, не дожидаясь приказа, раскатал по столешнице карту.

— Здесь он прячется.— Командующий обвел мясистым указательным пальцем узкую область на западе Дагестана. Вся она была сплошь заштрихована короткими, тонкими черточками, обозначавшими горы.— Загородился хребтами, разбойник! Чувствует, что отсюда его так просто не скovyрнешь.

— Потому генерал Ртищев² и привел его к присяге России, раз, кажется, в третий.

Как обычно, при упоминании нерадивого предшественника Ермолов насупился.

— Уж если генералу недосуг был с изменником разобраться, мог бы и не позорить русский мундир. Аварский хан у него генерал-майор, казикумухский —

¹ *Сурхай-хан* (1744—1827) — властитель Казикумухского ханства, второй, кто носил это имя.

² *Николай Федорович Ртищев* (1754—1835), генерал от инфантерии, был главнокомандующим Грузии с 1812 года по 1816-й. При нем русские войска одержали победу в войне с Персией, но Ермолов считал, что его предшественник был слишком либерален в делах внутренних.

полковник. А после этот полковник атакует генерала Пестеля в Кубе.¹ Что же такое — офицер русской армии нападает на русские же полки! А что полагается за измену присяге, а?!

— Простому офицеру — расстреляние,— ответил незамедлительно Сергей и остановился, не решаясь продолжать далее.

— Кто же у нас не простой?! — рявкнул разозленный Ермолов.

— Властителю иного народа — судя по обстоятельствам,— твердо высказал свою мысль Новицкий.

Ермолов вскочил и заходил по палатке, пригибая голову. Адъютант Самойлов за спиной командующего поймал взгляд Новицкого и неодобрительно покачал головой. Алексей Петрович шумно выдохнул, замедлил шаги и вернулся к столу.

— Что суждений своих не прячешь, ценю. Но Сурхая надобно наказать.

— Надобно.— Сергей не решился перечить более, понимая, что и так зашел далеко.— Но в таком случае идти к нему следует как можно быстрее. А то опередят нас другие. Абдул-бек, вам известный, объявился уже в Хозреке, и с ним сотни три воинов. Не погиб он в Лавашах, ушел, отлежался и теперь снова собирается воевать с нами. Промедлим — таких беладов набегит к Сурхай-хану десятки и с Дагестана, и с Чечни.

При имени Абдул-бека Ермолов поднял глаза на мгновение, но дальше смотрел уже только на карту, и хотя машинально кивал, слушая собеседника,

¹ См. книгу «Шашка и штык».

Новицкий понял, что командующий решил все уже сам. Сергей замолк, и Ермолов, взяв карандаш, принялся чертить стрелы возможного движения войск.

— С севера Сурхая нам не достать. И Авария, и Акуша нас через себя не пропустят. Остается Кюринское ханство¹. Что Аслан-хан? Поддержит нас? Пойдет с нами?

— Хан, мне кажется, и сам хотел бы сидеть в Кумухе, — осторожно начал Сергей. — Кроме того, у него кровные счеты с Сурхаем. Тот приказал убить своего старшего сына. Ну а покойный Муртазали был единоутробным братом Аслан-хана. Сурхай взял в жены их мать уже после рождения Аслана и после смерти его отца.

Ермолов, не отрывая глаз от карты, молча кивнул, показывая, что и он слышал об этом.

— И тропа в Казикумухское ханство из Кюры удобней всех прочих.

Ермолов бросил карандаш и выпрямился.

— А потому князю Мадатову надобно собирать отряд. Из Карабаха двинется он в Ширванское ханство, а дальше через Кюру в Казикумых. Что Измаил-хан Шекинский?

Сергей ответил твердо:

— Мои источники говорят — не надежен.

Командующий испытующим взглядом вперился в Новицкого, но тот выдержал немой вопрос, не отводя, не опуская глаз.

¹ Образовано в 1812 году на юго-востоке Дагестана. Правителем назначен Аслан-бек, племянник Сурхая.

— Мои — тоже, — проворчал наконец Ермолов. — Значит, ты у Мадатова не прикрыт. Я бы этого мерзавца хоть сей момент вздернул повыше, но... Говоришь, гусар, что властителей иного народа — по обстоятельствам? Стало бы, тебе и решать эту проблему. Поедешь к своему однополчанину, он сам, должно быть, еще под Шушей, передашь ему мои инструкции, а дальше...

Он усмехнулся и неожиданно подмигнул Новицкому:

— ...по обстоятельствам.

Тот вскочил, понимая, что разговор завершен, но Ермолов показал ему жестом не торопиться.

— Еще одно поручение. Позовите-ка, граф, испанца.

Через несколько минут Самойлов ввел в палатку невысокого, худощавого человека в темно-зеленом драгунском мундире. Ему было около тридцати, офицерскую форму носил привычно и с видимым удовольствием, держался уверенно и командующего не робел. Синие глаза его, ощутил Новицкий, разом схватили незнакомого человека, ощупали и оценили.

— Bonjour, don Juan,¹ — приветствовал Ермолов вошедшего, перейдя на французский язык.

Офицер вытянулся и отсалютовал на европейский манер, выворачивая ладонь вперед, но тут же поправился.

— Вот, Новицкий, знакомьтесь, — на чужом языке Ермолов перешел на «вы» и со своими. — Дон Хуан Ван-Гален. Подполковник испанской армии. Теперь

¹ Здравствуй, дон Хуан. (Фр.)